

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ
НАУКА *2016*

POLITICAL SCIENCE (RU)

СПЕЦВЫПУСК

Москва
2016

Журнал «Политическая наука»

Коллектив авторов

**Политическая наука.
2016. Спецвыпуск**

«Агентство научных изданий»

2016

УДК 32
ББК 66.0

Коллектив авторов

Политическая наука. 2016. Спецвыпуск / Коллектив авторов — «Агентство научных изданий», 2016 — (Журнал «Политическая наука»)

В выпуске представлены работы ученых факультета политологии МГУ, выполненные в различных научных жанрах и охватывающие самый широкий круг тем и направлений политической науки. Работы размещены в соответствии с основными и традиционными тематическими рубриками журнала.

УДК 32
ББК 66.0

© Коллектив авторов, 2016
© Агентство научных изданий, 2016

Содержание

Представляем номер	5
Состояние дисциплины: Исторические условия и профессионализация политической науки	7
О союзе статистики, права и морали, или Дисциплинарное поле «нравственных и политических наук» а первой половине XIX века	7
Ф.М. Бурлацкий и становление политической науки в СССР	15
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Политическая наука. Спецвыпуск. 2016

Представляем номер

Специальный выпуск журнала представляет статьи ученых факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Традиции изучения политики в Московском университете имеют богатую историю. Среди первых десяти кафедр, созданных в 1755 г. по предложению М.В. Ломоносова, была кафедра политики.

Уже в первой половине XIX в. в университете работал факультет нравственных и политических наук, дававший образование в области политики, дипломатии, политической экономики. Современная политология стала преподаваться в МГУ с 1989 г. сначала в рамках философского факультета, а с 2009 г. – на факультете политологии.

На факультете политологии МГУ ведется подготовка специалистов различного профиля – от исследователей политики до PR- и GR-менеджеров, журналистов, политиков, дипломатов, политтехнологов и др. Столь разнообразное образование обеспечивают семь кафедр и четыре лаборатории, нацеленные на высокое качество обучения и формирование научно-исследовательских компетенций.

Широчайший спектр направлений и тематики исследований не позволяет, разумеется, представить в настоящем выпуске все многообразие научных изысканий, выполняемых в подразделениях факультета. Мы выбрали из них лишь небольшую часть, позволяющую, на наш взгляд, создать некоторое представление о научной деятельности на факультете в области политической науки. При этом мы постарались отобрать статьи, отражающие, по возможности, разнообразие исследовательской тематики, методов и жанров. В то же время мы включили их в традиционные рубрики журнала, хорошо известные нашим читателям.

В рубрике «Состояние дисциплины», по традиции открывающей выпуск, предлагаются четыре статьи, затрагивающие исторические условия и профессионализацию политической науки в России. Ю.Д. Артамонова и А.Л. Демчук подготовили статью о дисциплинарном поле «политических и нравственных наук» в первой половине XIX в., В.А. Соболев и А.А. Ширинянец анализируют роль Ф.М. Бурлацкого в становлении политической науки в СССР, М.М. Мчедлова и М.С. Кудряшова рассматривают влияние на политические исследования меняющегося статуса роли религии в обществе, а О.В. Столетов и И.А. Чихарев освещают современную дискуссию о профессионализации деятельности в сфере политики.

В рубрику «Ракурсы» помещены три статьи, рассматривающие государственную политику как на международном, так и на внутригосударственном уровнях. Международный уровень представляют статьи В.М. Капицина о форматах регулирования насилия в международных отношениях и Ф.О. Трунова об основах применения вооруженных сил современной ФРГ. А внутригосударственный уровень – статья М.В. Вилисова о проектном подходе в современной российской государственной политике.

В рубрике «Представляем научный центр» размещены работы преподавателей и сотрудников кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ. Научная деятельность этого коллектива, возглавляемого известной российской исследовательницей Е.Б. Шестопал, вызывает повышенный интерес коллег и уже освещалась на страницах нашего журнала. На этот раз мы представляем новые и наиболее актуальные материалы данного научного центра, подготовленные в том числе при участии молодых и начинающих исследователей. Среди четырех статей рубрики три написаны по результатам эмпирических исследований, проведенных учеными кафедры. Коллективная работа Е.Б. Шестопал, А.Л. Зверева,

С.В. Нестеровой и Н.В. Смутькиной посвящена анализу массового сознания после выборов в Государственную думу 2016 г. А.В. Селезнева представляет итоги лонгитюдного исследования динамики ценностных изменений элиты и масс в постсоветский период. Статья молодой китайской исследовательницы Б. Ван, написанная в соавторстве с Н.Б. Боковой, вызывает особый интерес, так как в ней представлены результаты эмпирического исследования массового политического сознания в современном Китае. В четвертой статье рубрики И.С. Палитай рассматривает особенности методологии политико-психологического анализа массового политического сознания.

Рубрика «Контекст» на этот раз посвящена сложному и противоречивому контексту современной российской политики. Здесь публикуются статьи достаточно известных отечественных исследователей, выступающих с различных позиций. И.И. Глебова размышляет об исторических и культурных аспектах «посткрымской» политики, а И.И. Кузнецов пытается оценить влияние внешних факторов на трансформацию форм правления в постсоветской России.

Завершает выпуск также традиционная рубрика журнала «Идеи практика». В ней размещены две статьи. В одной из них известный общественный деятель и профессор факультета политологии МГУ В.И. Якунин размышляет о тенденциях технократизма в политической мысли прошлого и настоящего, а в другой – молодые авторы И.А. Бронников и Н.В. Блинова достаточно подробно рассматривают технологии управления рисками в государственной политике.

Конечно, статьи выпуска далеко не исчерпывают тематическое, методологическое, жанровое многообразие научных исследований на факультете политологии МГУ. Тем не менее мы надеемся, что они вызовут интерес читателей и позволят им получить представление о научной деятельности ученых факультета.

*Авдонин В.С.,
Демчук А.Л.*

Состояние дисциплины: Исторические условия и профессионализация политической науки

О союзе статистики, права и морали, или Дисциплинарное поле «нравственных и политических наук» а первой половине XIX века

*Ю.Д. Артамонова, А.Л. Демчук*¹

Аннотация. Вокруг понятия «нравственно-политические науки» и состава дисциплин в рамках данных наук ведутся активные дискуссии. В статье представлены основные точки зрения исследователей; обращение к истории понятий «моральные» («нравственно-политические») и «социальные» науки позволяет показать частичную несостоятельность предложенных сторонниками данных точек зрения интерпретаций. Показывается, что традиция классического образования транслирует сформулированную еще Аристотелем идею фронесиса как ключевую в определении политических дисциплин; формирующиеся на ее основе в рамках Просвещения идеи естественного права и политической экономии являются ключевыми при определении состава дисциплин в рамках «нравственно-политических» (моральных) наук.

Ключевые слова: нравственно-политические (моральные) науки; социальные науки; фронесис; естественное право; здравый смысл; политическая экономия.

Yu.D. Artamonova, A.L. Demchuk

On the alliance of statistics, law and ethics, or a disciplinary field of «moral and political science» of the first half of the 19th century

Abstract. Active discussions revolve around the notion (concept) «moral-political science» and the subjects (fields) that form the content of this science. The article presents the main standpoints within the framework of those discussions; going to the history of the notions (concepts) «moral» («moral-political») and «social» science allows to demonstrate partial invalidity of interpretations offered by the adherents of those standpoints. It demonstrates that the tradition of classical education conveys the idea of phronesis formulated way back by Aristotle as a key idea in defining political disciplines; the ideas of a natural law and of political economy formulated on its basis during the Enlightenment are the key to defining the subject content of «moral-political» (ethical) science.

Keywords: moral-political (ethical) science; social science; phronesis; natural law; common sense; political economy.

¹ **Артамонова Юлия Дмитриевна**, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, e-mail: juliaartamonova@yahoo.com; **Демчук Артур Леонович**, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры сравнительной политологии факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, e-mail: arthur@leadnet.ru **Artamonova Yulia**, Lomonosov Moscow State University, e-mail: juliaartamonova@yahoo.com; **Demchuk Artur**, Lomonosov Moscow State University, e-mail: arthur@leadnet.ru

Сочетание «нравственные и политические науки» стало устоявшимся к XIX в.; постепенно определялся и состав дисциплин в рамках «нравственных и политических наук». Согласно уставу Московского университета 1804 г., на отделении нравственных и политических наук преподавали профессора богословия догматического и нравоучительного; толкования Священного Писания и церковной истории; умозрительной и практической философии; прав: естественного, политического и народного; гражданского и уголовного судопроизводства в Российской империи; прав знатнейших как древних, так и нынешних народов; дипломатики и политической экономии [Университетский устав (5 ноября 1804 г.)]. В 1816 г. в Санкт-Петербурге планировалось издавать журнал «Архив политических наук и российской словесности». Редакция планировала освещать в журнале и следующие предметы: общая политика, или наука образования и управления государств; политическая экономия, или наука государственного хозяйства; финансы; правоведение, а также связанные с науками политическими – история, статистика и философия [Тургенев, 2008, с. 183]. Похожий набор предметов изучения имеет в виду и Ф. Гизо, хлопоча о восстановлении Французской академии моральных и политических наук, распущенной в 1803 г. (попытка оказалась успешной, и в 1832 г. Французская академия моральных и политических наук была восстановлена). Он предполагает пять секций в составе этой Академии: нравственная философия; законодательство, публичное право и юриспруденция; политическая экономия и статистика; всеобщая история (*philosophie, morale, législation, droit public et jurisprudence, économie politique et statistique, histoire générale et philosophique*) [см. подробнее: Rosanvallon, 1985].

Не менее интересна позиция, представленная Дж.Ст. Миллем в труде «Система логики силлогистической и индуктивной: изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования». В составе «моральных (нравственных) наук» – два блока. Первый – «наука о человеческой природе» (термин Д. Юма), основанная на ней «наука об образовании характера» (*the science of the formation of character*), причем «наука о национальном характере» – ее частный вид, и второй блок – «наука об обществе» (*the science of society*), или «социальная наука» (*the social science*), распадающаяся на «социальную статику» и «социальную динамику» [см.: Милль, 2011].

Вокруг союза «и» в сочетании «нравственные и политические науки» и состава дисциплин до сих пор ведутся дискуссии. Они связаны в первую очередь с вопросом о научности и ангажированности политических наук. Наиболее распространены две точки зрения. Одни исследователи, над которыми довлеет раннепозитивистская схема движения от метафизического к научному знанию, предложенная О. Контом, полагают, что «в XVIII – начале XIX в. собственно политика, политическая экономия, статистика (политическая арифметика), естественное право, учения об обществе, государстве, о государственных финансах часто объединялись под одним названием – “политические науки”. Это и понятно, так как в этом процессе важна была не столько их дифференциация, сколько обособление от других областей знания, и прежде всего от философии, юридических наук, истории» [см., например: Сморгунов, 2009, с. 6].

Вторая точка зрения противоположна: «Все исследования, которые относились к “моральным наукам”, строились на спиритуалистической антропологии и таким образом открыто были противопоставлены процедурам и моделям естественных наук. Спиритуализм Кузена давал общие ориентиры, а отдельные отрасли науки в целом соотносились с философскими науками» [Хейльброн, 2012]. При этом подчеркивается, что моральные и политические науки противостояли наукам естественным, а отнюдь не философии и морали: «Моральные и политические науки были отделены от естественных наук и более тесно сближены как с факультетами права и факультетами словесности, так и с различными старыми и новыми государственными учреждениями» [Хейльброн, 2012]. Причину разделения исследователи, придерживающиеся второй точки зрения, усматривают в политической реакции: «Другое выраже-

ние “социальные науки”, вошедшее в употребление в разгар революционных событий 1790-х годов, намеренно не употреблялось, потому что оно слишком напоминало о материализме и сциентизме революционных времен – о “социальной математике” Кондорсе или физиологическом изучении человека Кабанисом – наследии безответственных политических решений. Программой целью Академии было заменить и традицию, и ее консервативную альтернативу более либеральной перспективой» [там же].

Однако существует ряд возражений и к первой, и ко второй позиции.

Термин «социальные науки» появился только в 1824 г. в книге сторонника кооперативизма Уильяма Томпсона [Thompson, 1824] «Исследование принципов распределения богатства, в наибольшей степени способствующих человеческому счастью», и быстро распространился среди английских и французских мыслителей. Необходимость решения не только «политического вопроса» (вопроса о правах и достоинстве каждого), но и вопроса социального («вопроса о сущности общества, устройства собственности и промышленности, развития благосостояния, свобод, общественного духа...» [Considerant, 1847]) осознается как объединяющая всех демократов насущная задача, а не как революционное требование. О «социальных науках» пишет не только О. Конт, но и полемизирующий с ним Дж. Ст. Милль, спокойно использующий и термин «социальные науки», и термин «моральные науки». Отметим, что, напротив, представители моральных и политических наук позволяют себе иногда вполне революционные высказывания. К примеру, Ф. Гизо пишет: «Будь то старая или новая тирания и каковы бы ни были противники, под чьими ударами она пала, ее крах был столь же легитимен, сколь и их сопротивление, ибо сопротивление, как и власть, черпает свое право в своей моральной легитимности» [Гизо, 2000, с. 541]. Социальные науки нельзя назвать «нежелательными» в общем поле политических наук; термин «социальные науки» появляется намного позже Французской революции и подхватывается в общественно-политической мысли вовсе не как слишком левый и слишком революционный.

Отметим также, что институциональные изменения в преподавании политических наук сложно объяснить, если придерживаться идеи разделения политических, с одной стороны, и исторических и юридических наук – с другой, а также идеи противопоставления моральных и политических наук. Например, по Общему уставу императорских российских университетов 26 июня 1835 г. дисциплины «Политическая экономия и статистика» отнесены к философскому факультету: «...В состав философского факультета, состоящего из двух отделений, входят следующие науки: 1-е Отделение: 1) Философия. 2) Греческая словесность и древности. 3) Римская словесность и древности. 4) Российская словесность и история российской литературы. 5) История и литература славянских наречий. 6) Всеобщая история. 7) Российская история. 8) Политическая экономия и статистика. 9) Восточная словесность: а) Языки арабский, турецкий и персидский; в) Языки монгольский и татарский» [Университетский устав (26 июля 1835 г.)]. По Общему уставу императорских российских университетов 23 августа 1884 г. на отделении юридических наук преподаются международное право, государственное право, полицейское право, финансовое право, политическая экономия и статистика, энциклопедия права [Университетский Устав (18 августа 1884)].

Что подразумевается под понятием «моральная наука» (в русском переводе – «нравственная»)? Оно встречается уже в «Энциклопедии, или Толковом словаре наук, искусств и ремесел» Дидро и Даламбера. Статья «Политическая экономия» носит неожиданный подзаголовок «Мораль и политика». Там, в частности, мы встречаем следующее рассуждение: «...Первый и самый важный принцип Правления, основанного на законах или народного, состоит... в том, чтобы следовать общей воле... Вы хотите, чтобы осуществилась общая воля? Сделайте так, чтобы все изъявления воли отдельных людей с ней соотношались, а так как добродетель есть лишь соответствие воли отдельного человека общей воле, то... установите царство добродетели...» [Политическая экономия... 1994, с. 447, 452]. И далее: «Мы желаем, чтобы

народы были добродетельны? Так научим же их прежде всего любить свое отечество. Но как им его полюбить, если оно значит для них не больше, чем для чужестранцев, и дает лишь то, в чем не в силах отказать никому? Было намного хуже бы, если бы в своем отечестве они не имели бы гражданской безопасности, и их имущество, жизнь или свобода зависели бы от милости людей могущественных, причем им невозможно было бы или не разрешено было бы требовать установления законов. Тогда, подчиненные правам гражданского сословия и не пользуясь даже правами, даваемыми состоянием естественным, не будучи в состоянии использовать свои собственные силы, чтобы себя защитить, они оказались бы, следовательно, в худшем из состояний, в котором могли бы оказаться свободные люди, и слово «отечество» могло бы иметь для них только смысл отвратительный или смешной» [Политическая экономия... 1994, с. 455]. Новая связь морали и политики изобретена не реакцией после Французской революции (обращение к спиритуализму, религии и т.д.) – она встречается еще во времена Просвещения.

Однако как возможны «моральные науки» («нравственные науки»)? В статье из энциклопедии Дидро и Даламбера основой всякого правления объявляется всеобщая воля. Интересно, что главным принципом естественного права тоже объявляется всеобщая воля, которая «является в каждом индивиду чистым актом разума... и объясняет вам сущность ваших мыслей и ваших желаний» [Право, данное природой... 1994, с. 219]. Всеобщую волю следует искать «в основах писаного права всех цивилизованных наций, в общественных делах диких и варварских народов, в молчаливых взаимных договорах врагов человеческого рода и даже в возмущении и злобе, этих двух страстях, которыми природа наделила почти все существа вплоть до животных, дабы возместить несовершенство социальных законов и утолить жажду мести» [там же, с. 223]. Мы видим, что естественное право (обратим внимание на единственное число – не «естественные права», а «естественное право»), оказывается, невозможно «задать» раз и навсегда; оно реализуется в общественных установлениях – очень разных, причем не всегда справедливых. Естественное право вовсе не мыслится абстрактной конструкцией, вытекающей из моделирования поведения одного человека и введения затем в эту модель других людей – о чем авторы говорили в начале статьи, рассуждая о понятиях «справедливость» и «долг». Справедливость – «это долг создать каждому то, что ему подобает. Но на что мог притязать тот или другой человек при таком положении вещей, когда все принадлежало всем и, быть может, не существовало понятие долга? И что должен другим тот, кто позволяет им делать все и не требует ничего?» [Право, данное природой... 1994, с. 220]. Чуть ниже авторы показывают, что возможно такое моделирование социального взаимодействия, которое к естественному праву отношения не имеет (рассуждения о разумности требования уничтожения всех других жизней во имя своей при выдвижении его каждым) [там же, с. 221–222].

Можно сделать вывод о том, что понятие «естественное право» не связано с рациональным «робинзономоделированием». Скорее, проводится тезис о некоем общем начале, доступном каждому; начале, никогда до конца не формализуемом, но тем не менее организующем множество разнообразных форм жизни, более того, выступающим основным организующим началом любых форм социальности.

У этого понятия, как показывают исследователи [см., например: Гадамер, 1988], были «предшественники». Основной из них – понятие «здорового смысла», *sensus communis*, переложение в систему латинской культуры греческого понятия «фронесис».

Аристотель выделил три типа знания – техне, эпистеме и фронесис. Первое – знание ремесленника, не знающего ни математических истин, ни устройства гончарного круга, но умеющего создать прекрасный горшок «по наитию». Техне стало затем латинским *ars* – искусством, за которым долго сохранялась характеристика «неосознаваемой причастности к истине мира».

Образцом второго типа знания (собственно науки) выступает математика. Здесь мы говорим о вечных истинах, общезначимых, объективно представляемых и легко транслируемых.

Целое знание здесь разбивается на фрагменты, каждый из которых истинен. Оно легко поддается демонстрации (доказательству).

Однако бывают ситуации, когда нам нужно знать о мире в целом – например, ситуации нашего поступка. Этого знания у нас нет – есть лишь фрагменты эпистеме, есть техне, а также причастность души гармонии мира, которая позволяет нам различать хорошее и плохое. Мы вынуждены действовать, исходя из этого явно недостаточного знания, поэтому оценить правильность поступков мы тоже можем только апостериори: не нарушив гармонию мира своим поступком, мы чувствуем ее и тем самым устанавливаем, что поступили правильно. Это знание невозможно транслировать, во-первых, потому что изменяются ситуации, правильное действие в одной из них может быть явно неподходящим в другой; во-вторых, сама истина мира не формулируема в качестве общего положения. Образцом трансляции учения о фронесисе были сказы про дурака, существующие практически во всех европейских культурах: герой, узнав, что надо делать то-то и то-то, бездумно переносит это действие в другую ситуацию (услышав похвалу за доброе слово об огромном урожае «Таскать вам – не перетаскать», он повторил его и процессии, несущей покойника, за что был бит и т.д.). Не случайно греческая история учит на примерах (парадигмах) – примеряясь к ситуации и зная поступок героя, мы проясняем для себя, чем же надо руководствоваться, чтобы действовать правильно. Это та самая практическая философия. И источниками этих примеров («парадигм») будут история и поэзия, которые всегда оказываются связанными с этой «практической мудростью», фронесисом.

Таким образом, речь идет о некотором «общем начале», проявления которого различны и которое в силу этого не поддается формулировке в виде общезначимых истин.

Эти смысловые моменты и сохраняются в латинском переводе – речь идет об «общем смысле», который руководит всеми правильными поступками, позволяя гармонии воспроизводиться, и который невозможно жестко зафиксировать в формулировке. Объясняя его, латинские авторы найдут интересные акценты – Цицерон определит его как «чувство социальности», которое руководит общественной жизнью.

И эти же смысловые моменты воспроизводятся в спектре переводов с латыни и интерпретаций этого понятия в европейских языках XVIII в. – и в том числе в понятии «естественного права» во французском языке, «чистом разуме» немецкого Просвещения и все том же «здравом смысле» английского Просвещения.

И поскольку классическая традиция образования в это время еще остается, не изменяются и способы трансляции этого типа знания – через примеры. Таким образом, история и поэзия обязательно связаны с практической философией и политикой. Нетронутая традиция классического образования постоянно транслирует эту схему. В ее рамках высказывается Н. Макиавелли: «И вот я, желая представить Вашей Светлости свидетельство моей глубочайшей преданности, не нашел среди своего добра ничего более дорогого и полезного, чем разумение деяний великих людей, приобретенное вследствие длительного испытания современных дел и непрерывного изучения древних» [Макиавелли, 1998, с. 49]. М.В. Ломоносов в своем проекте университета для юридического факультета предполагал чтение курса по политике наряду с курсами практической философии и истории, а также права народов, публичного и частного права, русского права. В его письме о проекте учреждения Московского университета 1755 г. предполагалась должность профессора политики, который «должен показывать взаимные поведения, союзы и поступки государств и государей между собою, как были в прошедшие века и как состоят в нынешнее время» [Письмо М.В. Ломоносова...]. Н.М. Карамзин в предисловии к первому тому «Истории государства российского» высказывается в духе той же традиции: «Простой гражданин должен читать Историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие, и Государство не разрушалось; она питает нравственное чувство и праведным судом своим распола-

гает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества» [Карамзин, 2005, с. 13–14].

Проделанный экскурс в историю слова позволяет нам еще раз зафиксировать следующие принципиально важные моменты. Во-первых, речь идет не о возможных моделях, а об «универсальном» принципе, который, однако, невозможно жестко зафиксировать. Во-вторых, этот принцип мы должны каждый раз «открывать» в себе заново и в разных формах, справедливо действуя в соответствии с ним.

Немецкое Просвещение в лице школы Х. Вольфа даст образец еще одного интересного употребления слова «мораль» в политических исследованиях. Рассуждая об истории, И.М. Хладениус заметит, что есть некоторые сущности в истории, которые трудно исказить наблюдателю. Например, дороги, уровень урожая, просто строения, наконец – все видят их более-менее адекватно; это физические сущности. Есть поступки, тоже очевидные – Цезарь перешел Рубикон. Наконец, есть «моральные сущности». В вольфианской школе к моральным сущностям относят фабрику, гостиницу, школу. «Человек имеет определенное желание – неважно, речь идет об одном человеке или о многих; это его желание известно; на это желание люди могут ориентироваться – все это называется *моральной сущностью*. К примеру, таковой является учитель, о котором другие знают, признают это и обращаются к нему (прежде всего те, кто хочет учиться). Фабрикант всегда производит определенные товары, и в результате невозможно потерять работу. Содержатель гостиницы постоянно хочет принимать и обслуживать своих и чужих. Кафедра, фабрика и гостиница являются моральными сущностями, которые возникают в желаниях людей независимо от того, связаны ли они с какими-либо телесными вещами или нет...» [Хладениус, 2010, с. 205]. И они тоже видны всем. Значит, если мы не хотим вносить искажений в картину истории, мы должны писать ее как гигантское полотно постоянных взаимодействий этих трех типов сущностей. Исторические обзоры с детальным описанием мелочей – характерная черта историографии того периода.

Вторым важным моментом реконструкции будет обращение к собственной душевной жизни, «проявление» ее структуры и описание действительности через эти структуры [Хладениус, 2010, с. 205]. Именно понимание действия, ситуации как праведной или неправедной и будет основным шагом правильной реконструкции истории.

Связь практической философии, политических штудий и истории, как мы видим, была довольно жесткой и не касалась спиритуализма, реакции и т.д., с одной стороны, и не противоречила статусу научной дисциплины – с другой. Не случайно Х.А. Шлёцер, профессор политических наук в Московском университете в первой трети XIX в., начнет перечисление собственно политических наук с метаполитики, которую определит следующим образом: «Под сим именем я разумею науку о существе и цели общественных связей вообще, а в особенности о связи гражданских обществ... Вспомогательной наукой метаполитики служит практическая философия, и более всего наука о первоначальном основании и систематическом порядке гражданских и уголовных прав» [Шлёцер, 2014, с. 17].

Однако все это еще не объясняет включение в корпус наук статистики, изучения финансов и т.д. Статистика входит в корпус нравственных и политических наук уже в начале XIX в. и не покидает его, несмотря на реформы. Х.А. Шлёцер, например, предполагает, что метаполитика, политика, статистика и политическая история и образуют корпус политических наук [Шлёцер, 2014, с. 17]. Л.Н. Сморгунов приводит следующие сведения: «...в Педагогическом институте, на базе которого в 1819 году воссоздан Санкт-Петербургский Университет, программа испытаний за 1805 год включала в себя следующие предметы из науки политики: о различных образах правления; о способе узнавать посредством политической арифметики число народа; о необходимости религии в обществе; о доставлении съестных припасов; о начале уголовных законов (Материалы, папка 526)» [Сморгунов, 2009, с. 6]. На политико-юридическом отделении нравственно-политического факультета Московского университета предполагались

следующие экзамены: основные – политика, дипломатия, политическая экономия; вспомогательные – начала прав естественного, политического и народного, собственно юридические науки, история, статистика, латинский язык [Нравственно-политический факультет Московского университета... 2014, с. 12]. Все уставы университетов XIX в. предполагают статистику в корпусе дисциплин политического цикла. Но в этом нет никакой загадки. Послушаем Ж.-Ж. Руссо, автора статьи «Политическая экономия (мораль и политика)», когда он рассуждает о задачах правления: «...Одно из самых важных дел Правительства: предупреждать чрезмерное неравенство состояний, не отнимая при этом богатства у их владельцев... ограждая граждан от возможности превратиться в бедняков... Люди неравномерно расселяются по территории государства и скопляются в одном месте, в то время как другие места становятся безлюдными... земледелие приносится в жертву торговле; откупщик становится необходимой фигурой лишь вследствие того, что Государь плохо управляет своими финансами; наконец, продажность доходит до таких крайностей, что уважение определяется числом пистолей и даже доблести продаются за деньги – таковы самые ощутимые изобилия и нищеты, подмены частной выгодой выгоды общественной, взаимной ненависти граждан, их безразличия к общему интересу, развращения народа и ослабления всех пружин Правления» [Политическая экономия... 1994, с. 457–458]. В ключе Руссо рассуждает К.Г. Лангер (апеллируя, прежде всего, к Аристотелю): «Все, что относится к ведению политической науки, можно распределить на две основные части. Первая из них создает основу для другой и говорит нам об общественном устройстве, объясняет его природу и причины, учит, как разумно организовать порядок подчинения при различных государственных устройствах; вторая же часть относится к мудрому управлению государством» [Лангер, 2011, с. 43]. А.П. Куницын еще точнее повторяет логику рассуждений Ж.-Ж. Руссо, предложенную в энциклопедической статье, полагая, что в круг государственных сведений, с которым отождествлял мыслитель политические науки, входят три главные части: «В 1-й объясняется природа человека и права людей независимых. Во 2-й – учреждение верховной власти, сообразное с целью государства. В 3-й – средства, верховной властью избираемые для достижения цели государства» [Куницын, 2008, с. 145–146].

Таким образом, проект нравственных и политических наук XIX в. реализуется в полном согласии с логикой рассуждений энциклопедистов, не отмежевываясь от поиска нравственного начала мира, постигаемого на примерах из истории (иногда – литературы) и выражаемого в справедливом устройстве (законах, праве частном и публичном). Это соединяющее нравственное начало поддерживается в рамках государственной политики во всех сферах, для чего в том числе нужна статистика, управление предпринимательством и финансами.

Этот проект не препятствует научному анализу и выведению закономерностей, но требует не абсолютно нейтрального наблюдателя, а наблюдателя сопереживающего, во-первых, и понимающего ситуативность своих конструкций, во-вторых. Именно в этом кроется, по-видимому, причина актуализации проекта фронесиса в наши дни [см., например: Real social science... 2012].

Список литературы

Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: Пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.

Гизо Ф. Политическая философия: О суверенитете Франции // Классический французский либерализм. – М., 2000. – С. 507–588.

Карамзин Н.М. История государства Российского. Избранные главы. – М.: Эксмо, 2005. – 671 с.

Куницын А.П. Изображение системы политических наук // Политическая мысль России. От истоков до февраля 1917 г.: Антология / Под общ. ред. В.В. Мухачева. – М., 2008. – С. 145–146.

Лангер К.Г. О пределах и важнейших представителях политической науки. – М.: Изд-во Московского университета. 2011. – 128 с.

Макиавелли Н. Государь: Сочинения. – М.: Эксмо-Пресс, Харьков: Фолио, 1998. – 656 с.

Милль Дж.Ст. Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательств в связи с методами научного исследования: Пер. с англ. – Изд. 5-е, испр. и доп. – М.: URSS, 2011. – 832 с.

Нравственно-политический факультет Московского университета, 1804–1835 / Отв. ред. А.Ю. Шутов, сост. А.В. Топычканов. – М.: Изд-во Московского университета, 2014. – 64 с.

Письмо М.В. Ломоносова И.И. Шувалову об учреждении Московского университета (19 мая – 19 июля 1754). – Режим доступа: <http://letopis.msu.ru/documents/264> (Дата посещения: 1.12.2016.)

Политическая экономия (мораль и политика) // Философия в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера / Под ред. Богуславского В.М. – М.: Наука, 1994. – С. 441–475.

Право, данное природой, или естественное право // Философия в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера / Под ред. Богуславского В.М. – М.: Наука, 1994. – С. 220–223.

Сморгунов Л.В. Положение политических наук в Санкт-Петербургском университете в XIX в. // Политическая экспертиза. Политэкс. – СПб., 2009. – № 4. – С. 5–19.

Тургенев Н.И. Программа журнала «Архив политических наук и российской словесности» // Политическая мысль России. От истоков до февраля 1917 г.: Антология / Под общ. ред. В.В. Мухачева. – М., 2008. – С. 182.

Университетский Устав (18 августа 1884). – Режим доступа: <http://letopis.msu.ru/documents/2761> (Дата посещения: 1.12.2016.)

Университетский устав (26 июля 1835 г.). – Режим доступа: <http://letopis.msu.ru/documents/2123> (Дата посещения: 1.12.2016.)

Университетский устав (5 ноября 1804 г.). – Режим доступа: <http://letopis.msu.ru/documents/327> (Дата посещения: 1.12.2016.)

Хейльброн И. Возникновение социальных наук во Франции // Гефтер. – М., 2012. – Режим доступа: <http://gefeter.ru/archive/6037> (Дата посещения: 1.12.2016.)

Хладениус И.М. Всеобщая наука истории // Эпистемология и философия науки. – М., 2010 – № 1, Т. XXIII. – С. 189–192.

Шлёцер Х. О понятии и разделении политических наук в особенности // Нравственно-политический факультет Московского университета, 1804–1835 / Отв. ред. А.Ю. Шутов, сост. А.В. Топычканов. – М.: Изд-во Московского университета, 2014. – С. 15–18.

Considerant V. Principes du socialisme: Manifest de la democratie au XIX ciele suivi du process de la democratie au XIX siècle suivi de la process de la democratie pacifique. – P., 1847.

Real social science: applied phronesis / Ed. By B. Flyvbjerg, T. Landman, S. Schram. – Cambridge, MA: Cambridge univ. press, 2012. – 308 p.

Rosanvallon P. Le Moment Guizot. – Paris: Gallimard, 1985. – 414 p.

Thompson W. An inquiry into the principles of the distribution of wealth most conducive to human happiness; applied to the Newly proposed system of voluntary equality of wealth. – L.: Longman, Hurst Rees, Orme, Brown & Green, 1824. – P. IX–X.

Ф.М. Бурлацкий и становление политической науки в СССР

*В.А. Соболев, А.А. Ширинянц*²

Аннотация. Осмысление проблем становления политической науки в России остается актуальной теоретической задачей. Попытки редуцировать политическую науку России только к современному, постсоветскому этапу ее развития некорректны. Российская политология является составной и неотъемлемой частью мировой политической науки, складывание политологии в России уходит своими корнями в отечественную традицию социально-политической мысли. Политическая наука России переживала многочисленные структурные перестройки, имели место периоды забвения и отрицания прошлых достижений, но не прерывалось развитие социально-политической мысли. Легализация в СССР в 1989 г. политической науки стала заключительным этапом в истории признания данной обществоведческой дисциплины в нашей стране. Одним из отцов-основателей советской политической науки стал Федор Михайлович Бурлацкий (1927–2014), он первым из советских ученых публично выступил за восстановление в правах политологии как научной и учебной дисциплины. С 1965 г. Бурлацкий отстаивал особый предметный статус политологии, прикладывал много усилий, чтобы политическая наука «не затерялась» в господствовавших в советский период дисциплинах и предметных областях, разрабатывал методологию политической науки, новые аналитические подходы, различные тематические направления, важнейшими из которых представляются исследование политической системы СССР и анализ *проблематики политического лидерства и политических элит*.

Ключевые слова: Ф.М. Бурлацкий; политическая наука в СССР; история политической науки России.

V.A. Sobolev, A.A. Shirinyants

F.M. Burlatsky and formation of political science in the USSR

Abstract. Analysis of the problems of emergence and development of political science in Russia still remains an important theoretical task. Attempts to reduce the history of Russian political science to the contemporary, post-Soviet stage of its development are not correct. Russian political science emerged and developed as an integral and inseparable part of the international political science, but its formation rooted in the domestic tradition of socio-political thought. Russian political science has gone in its growth through many structural changes, there were periods of neglect and denial of past achievements, but the development of social and political thought remained uninterrupted. Official acknowledgement of political science in the Soviet Union in 1989 marked the final stage in the history of the recognition of this scientific discipline in the country. One of the founders of the Soviet political science was Fyodor Burlatsky (1927–2014). Burlatsky was the first Soviet scholar to publicly call for the reinstatement of political science as a scientific and academic discipline. Starting

² **Соболев Владимир Андреевич**, аспирант факультета политологии Московского университета им. М.В. Ломоносова, e-mail: sobvlad1992@yandex.ru; **Ширинянц Александр Андреевич**, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии Московского университета им. М.В. Ломоносова, e-mail: jants@yandex.ru **Sobolev Vladimir**, Lomonosov Moscow State University, e-mail: sobvlad1992@yandex.ru; **Shirinyants Alexander**, Lomonosov Moscow State University, e-mail: jants@yandex.ru

from 1965, Burlatsky substantiated uniqueness of the subject of political science, greatly contributing to its preservation as an independent discipline, as well as to development of methodology of political science and new analytical approaches. He was the first to study such new subjects as political system of the USSR, problems of political leadership and political elites.

Keywords: Burlatsky; political science in the Soviet Union; history of political science.

История политической мысли наряду с политической философией и политической социологией – важнейшая, конститутивная часть политической науки. Известно, что без истории нет теории. Более того, можно утверждать, что в известном смысле история политической мысли – это сама политология, политическая наука, представляющая собой, как и любая наука, массив непрерывно пополняемого и обновляемого научного наследия. С такой точки зрения совершенно справедливым будет следующее умозаключение: с одной стороны, представление о том, что такое история политологии, основано на определенном видении того, что такое политология, с другой – представление о том, что такое политология, определяется тем, как осмыслена ее история.

В свое время Г.Х. Шахназаров обратил внимание на то, что «по сути дела, девять десятых всех выдающихся мыслителей, которых принято называть философами, были создателями политических учений, т.е., строго говоря, политологами. Ими были все утописты и создатели революционных теорий Новейшего времени, включая, естественно, Маркса, Энгельса, Ленина, а также идеологи различных политических партий и социальных движений» [Шахназаров, 2001, с. 196], а Ф.М. Бурлацкий в 1965 г. подчеркнул, что в СССР уже много лет в качестве самостоятельной отрасли знания существует «история политических учений, которая призвана изучать политическую науку в историческом плане» [Бурлацкий, 2013, с. 18]. Это абсолютно верная констатация факта не только полиморфности и полисемантической того, что мы называем политологией, политической наукой, но и ее длительного исторического развития.

Являясь составной и неотъемлемой частью мировой политической науки, *российская политология укоренена в отечественной традиции социально-политической мысли* [Пляйс, 1999; Ильин, 2001, с. 5–21; Пляйс, 2001, с. 68–88; Пляйс, 2005, с. 9–32; Пляйс, 2007а, с. 5–17; Пляйс, 2007b, с. 3–18; Пивоваров, 2011, с. 50–63; Политическая текстология... 2014, с. 110–136; Горохов, Зеленин, 2015, с. 1–8; Пивоваров, Соловьев, 2015, с. 7–26; Пляйс, 2015, с. 6–10]. Русская социально-политическая мысль восходит к XI в., когда было записано «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона [Перевезенцев, 2007, с. 24–29; Ирхин, 2011а, с. 34–50; Ирхин, 2011b, с. 94–102; Перевезенцев, 2015а, с. 112–118; Перевезенцев, 2015b, с. 195–224]. И далее социально-политическая мысль России развивалась в интересных и оригинальных формах. Гуманитарный характер политологического знания обуславливает то, что трудно, а подчас невозможно разделить корпус исследуемых текстов на сугубо «научные», «политологические» и «художественные», так как форма и содержание большинства источников, особенно ранних периодов, характерны скорее для художественных и публицистических произведений, чем для научных трактатов. Большинство политических идей того времени не имели четко выраженной концептуальной формы, а имплицитно содержались в образно-символических, аллегорических, легендарно-иносказательных и мифологических текстах. Вплоть до XIX в. (а в ряде случаев и XX в., и даже XXI в.), когда началась институционализация политической науки в России, русские мыслители в своем творчестве не только предпочитали «ненаучные», художественные приемы (метафора, ирония и т.п.), но использовали прежде всего дедуктивные, логико-философские и морально-аксиологические подходы к объяснению и оценке окружающей действительности (того, что есть) и идеалов (того, что должно быть). Так, например, даже если рассматривать политологию как университетскую науку, то еще в 1804 г. в Императорском Московском университете было создано отделение (факультет) морально-политических наук [Очерки истории... 2009; Нравственно-политический факультет... 2014; Ирхин, 2015а, с. 32–44; Ирхин, 2015с, с. 56–64]. Такое название отделения связано с тем, что создававшая дан-

ный факультет русская интеллигенция испытывала чувства высочайшей гражданственности и ответственности перед Отечеством и народом и не отделяла политику от морали [Ширинянц, 2011; Ширинянц, 2012, с. 39–55; Гуторов, 2015].

Предметная область исследования истории политологии в России охватывает взаимодействие политической мысли (существующей в форме тех или иных учений, идей, школ, доктрин, концепций, теорий, наконец, в более общей форме направлений) с религиозной, философской, социологической, правовой и др. гуманитарной и естественнонаучной мыслью, с различными идеологическими формами; влияние мифов, утопий (антиутопий) и идеологий на эволюцию политической мысли и их способы отображения мира политики; протонаучные образы в становлении политической философии и науки; процесс обновления понятийно-категориального аппарата политической философии и науки в различные периоды общественного развития; основные этапы и особенности развития отдельных научных школ, направлений, политических учений; политические идеи и проекты русских мыслителей; общее (универсальное, повторяющееся) и специфичное (уникальное) в развитии отечественной социально-политической мысли в контексте мировой политологии; роль направлений (течений мысли) и отдельных учений, идей, школ, доктрин, концепций и отраслевых теорий в развитии российской и мировой политической науки [Политология как история идей, 2009, с. 65–81; Гуторов, 2016, с. 14, 19].

Важно подчеркнуть, что *в предметное поле истории политологии в России в обязательном порядке должна включаться и так называемая «советская политология», и творчество советских ученых, усилиями которых политическая наука развивалась в то время*. Критерием выбора творчества того или иного мыслителя, ученого в качестве предмета исследования в данном случае выступает множество факторов, главными из которых представляются следующие. Во-первых, влияние идей и концепций, теорий и доктрин мыслителя на формирование национальной и этнокультурной специфики политических отношений в России, роль и место его трудов в исследовании характерных черт этой специфики. Во-вторых, степень соответствия рассуждений и теоретических построений того или иного ученого уровню развития европейской и мировой науки того времени, их включенность в то или иное пара-дигмальное русло развития этой науки, с одной стороны, новизна по сравнению с предшествующими, оригинальность его размышлений о политической организации и политической жизни общества, о проблемах внутренней и внешней политики; его представлений об идеальной политической системе общества и адекватной системе приемов, методов, форм, способов осуществления политической власти в обществе и т.д. – с другой. Этим критериям вполне отвечает творчество *Федора Михайловича Бурлацкого (1927–2014)*, одного из отцов-основателей советской политологии³.

³ Федор Михайлович Бурлацкий родился в Киеве 4 января 1927 г. Окончил Ташкентский юридический институт (1945–1947), аспирантуру Института государства и права АН СССР (1950–1951), защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук «Политические взгляды Н.А. Добролюбова» (1951). В 1952–1953 гг. работал в Президиуме АН СССР, в 1953–1960 гг. – в журнале «Коммунист». В 1960-е годы входил в группу консультантов при Отделе ЦК по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран под руководством Ю.В. Андропова. В 1964 г. успешно защитил диссертацию «Государство и коммунизм», стал доктором философских наук. Работал политическим обозревателем газеты «Правда» (1965–1967), старшим научным сотрудником Института мировой экономики и международных отношений АН СССР (1968–1969), заместителем директора Института конкретных социальных исследований АН СССР (1969–1971), заведующим кафедрой марксистско-ленинской философии Института общественных наук при ЦК КПСС (1971–1989), политическим обозревателем (с 1982 г.), главным редактором «Литературной газеты» (1990–1991). В конце 1980-х годов Ф. М. Бурлацкий вернулся в политику, был избран в Верховный Совет СССР и возглавил подкомитет по международным делам (1989–1990). Как приглашенный профессор читал лекции в Колумбийском (1988), Гарвардском (1992), Оксфордском (1993) университетах. Последние годы жизни Ф.М. Бурлацкий служил профессором факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (с 2011 г.). Умер 26 февраля 2014 г. в Москве.

* * *

Утверждения о том, что в советское время никакой политологии не существовало, попытки редуцировать политическую науку России только к современному, постсоветскому этапу ее развития, несостоятельны. Российская политология переживала многочисленные структурные перестройки, имели место периоды забвения и отрицания прошлых наработок, но никогда развитие социально-политической мысли не прерывалось.

Как отмечает Л.В. Сморгунов, современная российская политология опирается на несколько традиций советского времени: марксистско-ленинскую социально-политическую теорию; критику буржуазной идеологии, политической науки и политики; изучение различных стран и регионов мира в академических институтах; изучение конституций различных стран; социологические исследования общественного сознания, поведения, культуры [Сморгунов, 2015, с. 125–137].

Г.Х. Шахназаров был убежден в том, что «в качестве самостоятельной научной и учебной дисциплины политология *начала возрождаться* (выделено нами. – А.Ш., В.С.) лишь в XX веке, а окончательно оформилась только после Второй мировой войны» [Шахназаров, 2001, с. 196]. По мнению А.А. Галкина, именно в 1960-х годах еще молодые ученые Ф.М. Бурлацкий, Г.Х. Шахназаров, Г.А. Арбатов, А.Е. Бовин и другие, входившие в группу консультантов при одном из отделов ЦК КПСС, выступили за легализацию политической науки в СССР.

Ф.М. Бурлацкий, вспоминая эти события, приводит следующие соображения: «В то время у нас была четкая цель – изменение политической системы нашей страны. Все, что мы делали, было порождено этой интенцией. Вы знаете, что тогда существовала группа советников-консультантов ЦК КПСС, в которую я вовлек и Шахназарова, и Александра Абрамовича, и Арбатова, и Сашу Бовина, и некоторых других. Именно там в те годы оказались сосредоточены люди, которые верили в возможность замены тоталитарной власти демократической и пытались воздействовать на политическую практику.

И первым шагом в этом направлении, первым прорывом был тезис о переходе от диктатуры пролетариата к общенародному государству, что должно было открыть дорогу для становления цивилизационного демократического общества. Для этого, собственно, и нужна была политическая наука, которая бы не просто заимствовала за рубежом какой-то понятийный аппарат, какие-то идеи, хотя это было абсолютно необходимо, а предлагала теорию и инструменты реконструкции нашего государства, нашей политической системы, создания демократии, многопартийной системы, парламента и т.д. И здесь огромную роль сыграл учебник под редакцией Куусинена, для которого я по предложению Отто Вильгельмовича написал соответствующую главу⁴. Это был первый шаг, а вовсе не создание Ассоциации, которой руководил Виктор Михайлович Чхиквадзе⁵ – ...не имевший никакого отношения ни к подобного рода крамольным интенциям, ни к становлению науки.

А потом уже в наших кругах родилась идея формирования отечественной политической науки, конечно, тесно связанной с западной, но основанной на исследовании феномена нашей страны, нашего народа, нашей политической традиции, которая абсолютно не совпадает

⁴ Имеется в виду издание: [Основы марксизма-ленинизма, 1960].

⁵ Чхиквадзе Виктор Михайлович (1912–2006) – советский ученый и общественный деятель, доктор юридических наук (1947), профессор (1947), член-корреспондент АН СССР (1964, с 1991 г. – РАН). Президент Международной ассоциации юридических наук (1968–1972), вице-президент Международной ассоциации политических наук (1968–1970). Одни считают его создателем и первым президентом Советской ассоциации политических наук, другие – милым и симпатичным человеком, далеким от проблем политической науки (Ф.М. Бурлацкий), третьи – властолюбивым директором Института государства и права АН, прибравшим к рукам ассоциацию (В.А. Туманов), но тем не менее все сходятся в том, что Чхиквадзе очень много сделал для развития советской политической науки [Политическая наука... 2006, с. 141–156].

с западноевропейской. Тогда-то я и написал статью о политической науке, которая появилась в «Правде» в 1965 г.» [Политическая наука... 2006, с. 143].

Статья Ф.М. Бурлацкого «О политической науке» была опубликована в газете «Правда» 10 января 1965 г.⁶ В ней Ф.М. Бурлацкий разворачивает следующую аргументацию в пользу политологии: «Нам хотелось бы обратить внимание на необходимость разработки проблем политической науки. Речь идет о развитии отрасли знаний, насущно необходимых в настоящее время в связи с важными и сложными задачами, возникшими перед страной. Политическая наука призвана давать ответы на коренные вопросы совершенствования форм и методов руководства обществом с четким распределением функций, прав и обязанностей между всеми звеньями аппарата управления, проблемы выдвижения и обучения кадров.

Эта наука возникает на стыке ряда наук, а именно научного коммунизма, теории государства и права, социологии, а также экономической науки. В сущности, это процесс углубления теории, все большего проникновения научного анализа во все клетки общественной жизни, отражения всего ее многообразия.

Мы не ставим перед собой задачу очертить весь круг вопросов, относящихся к политической науке. Представляется, что главный объект исследования этой науки – политические отношения как в социалистическом, так и в капиталистическом обществе, отношения между государствами на международной арене. Если говорить более конкретно, то, на наш взгляд, эта наука должна заниматься изучением вопросов, связанных с устройством и деятельностью государства, политических партий, общественных организаций, массовых движений, международных объединений и организаций, форм и методов дипломатической деятельности, общественного мнения, методов пропаганды и т.д. Нельзя сказать, что эти проблемы сегодня совсем не изучаются. Они изучаются, но преимущественно в рамках исторической науки либо правовой, а многие проблемы остаются вне поля зрения ученых.

Развитие политической науки в качестве самостоятельной отрасли обществоведения позволит изучать названные проблемы комплексно, а главное, в тесной связи с потребностями практической политики.

Разумеется, политическая наука не может полностью взять на себя изучение содержания политики государства. Эта задача всех общественных наук в целом. Основная задача политической науки – изучение механизма руководства обществом в динамике, т.е. изучение того, как оно функционирует, что необходимо для его совершенствования и развития» [Бурлацкий, 2013, с. 17–18].

Выступление Ф.М. Бурлацкого в газете «Правда» вызвало большой общественный резонанс в стране и за рубежом. В газете «Нью-Йорк таймс» была опубликована статья, где содержалось следующее провокативное утверждение: «Ф. Бурлацкий и его “вундеркинды”, работающие, между прочим, в ЦК КПСС, предлагают заменить научный коммунизм политической наукой, уже завоевавшей себе призвание на Западе» [Бурлацкий, 2013, с. 294–295]. Руководство КПСС ожидаемо негативно восприняло данную оценку. К лету 1965 г. в «Правде» появились призывы отказаться от названия «Политическая наука», так как все марксистские науки – политические, и перевести дискуссию о политологии в плоскость создания преподавательской дисциплины.

А.Е. Бовин, один из участников событий, характеризует сложившуюся тогда ситуацию так: «...Именно Феде принадлежит идея легализовать у нас политическую науку. Ситуация была парадоксальной. Марксистско-ленинская идеология была самой политизированной... Первой ласточкой была статья Бурлацкого “Политика и наука” в “Правде” от 10 января 1965 года. Я шел вторым эшелонem. Моя статья появилась в “Красной звезде” 10 февраля. Против-

⁶ Однако с таким названием статья вышла только в выпуске газеты, который распространялся на периферии. В варианте для Москвы главный редактор изменил название на «Политика и наука».

ников было много. Главный аргумент – марксизм-ленинизм и есть наша политическая наука, наша политическая теория. Сопrotивлялись долго. В конце 1965 года мы (то есть Федя и я) решили сделать ход конем, опубликоваться в “Коммунисте”. Написали статью “Актуальные проблемы социально-политических исследований”. Статья обсуждалась на редколлегии в декабре. Статью завалили. Зачем нам какая-то “политическая наука” (или “политическая теория”, или “политическая идеология”)? В конце концов, поняли “зачем”. Бурлацкий победил...» [Бовин, 2003, с. 125].

Следующим шагом на пути признания политической науки в СССР Ф.М. Бурлацкий считает создание в 1969 г. в Академии наук СССР целой системы новых гуманитарных институтов. Поддержав группу социологов, состоявшую из Г.В. Осипова, Ю.А. Левады и Б.А. Грушина, вице-президент АН СССР А.М. Румянцев основал и возглавил Институт конкретных социологических исследований. В структуре Института было создано направление политической науки, возглавляемое Ф.М. Бурлацким, который затем стал заместителем А.М. Румянцева. Институт проработал около трех лет, после чего его расформировали.

Одним из ключевых событий становления политологии в СССР в качестве самостоятельной науки стал проведенный в 1979 г. в Москве XI Всемирный конгресс Международной ассоциации политической науки (МАПН) [Ирхин, 2015b, с. 80–88; Ирхин, 2016, с. 199–217].

Ю.С. Пивоваров характеризует значение данного конгресса следующим образом: «Этот конгресс во многих отношениях помог становлению у нас в стране политологии и фактическому признанию этой научной дисциплины. На конгрессе советские политологи продемонстрировали достаточно высокий профессиональный уровень и одновременно, оказавшись “лицом к лицу” с ведущими учеными мира, получили мощный импульс для дальнейших исследований. В этом контексте вполне впечатляюще выглядели достижения ИНИОН. Было подготовлено несколько сборников, по сути дела, открывших новую страницу в отечественной политической науке. Прежде всего, это сборник обзоров “Современная буржуазная политическая наука” (именно буржуазная, что делать, из песни слова не выкинешь) – единственный по сей день путеводитель по западной политологии. В жанре научно-аналитического обзора были созданы портреты национальной политологии (генезис, школы, наиболее острые проблемы) США, Великобритании, Франции и Германии. Большое значение имел также сборник научных портретов крупнейших политологов современности. Впервые в советской науке зарубежная политология была представлена “в лицах»» [Пивоваров, 2001, с. 49–50].

Активное участие в организации и проведении конгресса принимала Советская ассоциация политических наук (САПН) – профессиональное сообщество отечественных политологов, оформившееся в период 1955–1960 гг. [Патрушев, 2014, с. 3]. Она опиралась на Академию наук СССР и, в частности, на отраслевые и страноведческие академические институты: Институт государства и права, Институт мировой экономики и международных отношений, Институт США и Канады, Институт востоковедения, Институт Латинской Америки, Институт Африки и другие [История Российской ассоциации... 2015]. Это объясняется тем, что к концу 1970-х годов данные институты были признанными исследовательскими центрами.

На XI конгрессе МАПН, в котором участвовали 1466 человек, ученые обсуждали политологические проблемы войны и мира, международной безопасности, которые и в дальнейшем оставались в центре внимания отечественных исследователей. В конце 1970-х – начале 1980-х годов по данной проблематике активно работали и публиковались Ф.М. Бурлацкий, Г.Х. Шахназаров и другие [Бурлацкий, 1982, с. 57–66; Шахназаров, 1984, с. 63–74].

Завершающим событием в истории легализации политической науки в СССР стало включение ее в номенклатуру специальностей научных работников, которая была изменена «с учетом развития новейших направлений науки и техники» по инициативе ЦК КПСС и Совмина СССР [Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР, 1987, с. 498]. Я.А. Пляйс отмечает: «4 ноября 1988 г. можно по праву считать официальным днем рождения современной россий-

ской политической науки. Именно в этот день увидело свет Постановление Государственного комитета по науке и технике СССР (ГКНТ СССР) № 386 “О номенклатуре специальностей научных работников”, которым впервые утверждалась номенклатура специальностей научных работников по политологии. Это постановление стало актом не только официального признания политической науки в нашей стране, но и актом ее институционализации.

По приказу ВАК при СМ СССР № 1 от 25 января 1989 г. номенклатура, утвержденная ГКНТ СССР, была принята к руководству всеми органами аттестации научных и научно-педагогических кадров.

Постановление ГКНТ и приказ ВАКа способствовали созданию инфраструктуры, необходимой для становления и развития любой науки. Стали открываться специализированные кафедры, отделения по подготовке профессиональных политологов, формироваться диссертационные советы. Осенью 1990 г. в ВАКе был создан первый экспертный совет по политическим наукам, состоявший из 26 видных ученых...

Первые специализированные диссертационные советы по политологии были созданы в 1990 г. в Институте общественных наук при ЦК КПСС (его председателем стал д-р филос. наук, проф. Ф.М. Бурлацкий) и при Уральском отделении АН СССР. Первые защиты докторских диссертаций также состоялись в том же году, и произошло это в диссертационном совете Ф.М. Бурлацкого» [Пляйс, 2007b, с. 4–5].

* * *

Для нас важен тот факт, что Ф.М. Бурлацкий первым из советских ученых публично выступил за восстановление в правах политологии как научной и учебной дисциплины [Шестопал, Шутов, 2014, с. 124–128]. Именно поэтому он «вполне и по заслугам может быть назван основоположником советской политической науки» [Бовин, 2003, с. 115]. Ф.М. Бурлацкий в рамках своей научной деятельности занимался разработкой множества направлений, но наиболее важными, на наш взгляд, являются следующие.

Первое направление – *развитие самой политологии*, формировавшейся в борьбе и противоречиях позднего советского периода. К этой теме Ф.М. Бурлацкий не раз обращался на протяжении всей своей научной карьеры. Среди ключевых работ в этой области, кроме упомянутой статьи в «Правде» (1965), можно отметить его книгу «Ленин. Государство. Политика» (1970), совместное с А.А. Галкиным исследование «Социология. Политика. Международные отношения» (1974), а также одну из последних статей в «Вестнике Московского университета. Серия 12: Политические науки» (2012) [Бурлацкий, 1970; Бурлацкий, Галкин, 1974; Бурлацкий, 2012, с. 15–27].

Размышляя о политологии, Ф.М. Бурлацкий практически всегда поднимал вопрос о соотношении политической науки и ее объекта – политики. Он акцентирует внимание на том, что «политику и политические отношения можно выделить из всей суммы общественных отношений, как нам кажется, только на основе их прямой или косвенной связи с властью и властной деятельностью. В самом общем виде определить политику можно как форму взаимоотношений между социальными группами, нациями, связанную прямо или косвенно с проявлениями власти и деятельности властвования, понимаемой как способность принудить большие массы людей к выполнению тех или иных задач и решений» [Бурлацкий, 2012, с. 16]. Именно понятие власти «дает ключ к пониманию политических институтов, политических движений и самой политики» [там же, с. 22]. Власть – «реальная способность осуществлять свою волю в социальной жизни, навязывая ее, если необходимо, другим людям; политическая власть как одно из важнейших проявлений власти характеризуется реальной способностью данного класса, группы, индивида проводить свою волю, выраженную в политике и правовых нормах» [Бурлацкий, 2012, с. 22].

Второе направление – *исследование политических систем СССР*, а затем и современной России. Главными работами по данной теме стали книга «Государство и коммунизм» (1963), раздел в коллективных очерках «Политические системы современности» (1978), совместные издания с А.А. Галкиным «Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма» (1985) и с В.О. Мушинским «Народ и власть: Научно-популярный очерк политической системы социализма» (1986) [Бурлацкий, 1963; Бурлацкий, 1978; Бурлацкий, Галкин, 1985; Бурлацкий, Мушинский, 1986]. С его точки зрения, «политическая система представляет собой одну из подсистем общества (наряду с такими его подсистемами, как социально-экономическая, социально-культурная, личностная и др.) и играет основную роль в мобилизации ресурсов общества на достижение выдвигаемых им или его частью целей с помощью политической власти. Мобилизация общественных сил и средств в интересах достижения общих социальных целей, навязываемых и формулируемых элитой, представляет собой специфическую социальную функцию политической системы. В то же время последняя, наряду с другими социальными системами, решает такие задачи, как интеграция общества, определение его целей и задач в решении конкретных экономических, культурных и иных проблем и т.п. Такова, на наш взгляд, важнейшая особенность политической системы, в отличие от других подсистем, с точки зрения ее социальных функций и ролей» [Бурлацкий, Галкин, 1985, с. 31–32].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.